

Каймаразов Гани Шихвалиевич, Каймаразова Лейла Ганиевна

ДАГЕСТАНСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ. 1917-1921 ГГ.: ПЕРВЫЕ ШАГИ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

В статье освещается малоизученная проблема взаимоотношения власти и учительства в самой многонациональной северокавказской республике в период революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. С привлечением новых документальных источников показано, как в условиях радикальных изменений в жизни дагестанского общества органы власти определяли роль и место учителя в новой советской школьной системе, в деле распространения среди населения новой социалистической идеологии. Отражено отношение к власти самых разных слоев дагестанского учительства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/11/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85) С. 74-80. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. Земцовский И. И. Апология слуха // Музыкальная академия. 2002. № 1. С. 1-12.
5. Земцовский И. И. Апология текста // Музыкальная академия. 2002. № 4. С. 100-110.
6. Земцовский И. И. Артикуляция фольклора как знак этнической культуры // Этнознаковые функции культуры. М.: Наука, 1991. С. 152-189.
7. Земцовский И. И. Музыка и этногенез (исследовательские предпосылки, задачи, пути) // Советская этнография. 1988. № 2. С. 15-24.
8. Земцовский И. И. Народная музыка и современность (к проблеме определения фольклора) // Современность и фольклор: статьи и материалы. М., 1977. С. 28-75.
9. Земцовский И. И. О началах и концах, или Песня как исполнительский процесс (памяти М. А. Василевича и Ф. А. Рубцова) // Русский фольклор: материалы и исследования: в 35-ти т. / ред. Е. А. Гольдич. СПб.: Art-Xpress, 2016. Т. XXXV. С. 242-271.
10. Земцовский И. И. О современном фольклоризме // Традиционный фольклор в современной художественной жизни (фольклор и фольклоризм): сборник научных трудов. Л.: ЛГИТМиК, 1984. С. 4-15.
11. Земцовский И. И. От народной песни к народному хору: игра слов или проблема? // Традиционный фольклор и современные народные хоры и ансамбли (фольклор и фольклоризм): сборник научных трудов. Л.: ЛГИТМиК, 1989. Вып. 2. С. 6-19.
12. Земцовский И. И. Фольклор и композитор. Теоретические этюды. Л.: Советский композитор, 1977. 176 с.
13. Земцовский И. И. Человек музицирующий – Человек интонирующий – Человек артикулирующий // Музыкальная коммуникация: сборник научных трудов. СПб., 1996. Вып. 8. С. 97-103.
14. Мордва: Этническая история мордовского народа. Хозяйство и материальная культура. Общественная жизнь и духовная культура / сост. С. С. Маркова. Саранск, 2004. 992 с.
15. Шахназарова Н. Г. Феномен национального в зеркале композиторского творчества (Россия – Армения): очерки. М.: КомКнига, 2007. 224 с.

ETHNIC “MARKERS” OF MUSIC OF ORAL TRADITION IN I. I. ZEMTSOVSKY’S CONCEPTION

Isaeva Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
 Gulaya Tat'yana Nikolaevna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
 National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
 svetais13@rambler.ru; tngulay@mail.ru

In the article the author’s conception of the Russian folklorist I. I. Zemtsovsky, which states the conditionality of music of oral tradition by the ethnocultural characteristic of the folklore performer, is analyzed; the issues of specificity of folk-song intoning are considered; and the notions “articulation gene pool of ethnos”, “memory of music of oral tradition” are defined. The authors identify the main points for further study of the problem of folklore articulation as a sign of culture.

Key words and phrases: ethnoculture; national traditions; folklore; performance folklorism; intoning; folklore articulation.

УДК 37.014

Исторические науки и археология

В статье освещается малоизученная проблема взаимоотношения власти и учительства в самой многонациональной северокавказской республике в период революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. С привлечением новых документальных источников показано, как в условиях радикальных изменений в жизни дагестанского общества органы власти определяли роль и место учителя в новой советской школьной системе, в деле распространения среди населения новой социалистической идеологии. Отражено отношение к власти самых разных слоев дагестанского учительства.

Ключевые слова и фразы: Дагестан; Октябрь 1917 года; Гражданская война; власть; учительство; общеобразовательная школа; новая советская школьная система; формирование учительских кадров; материальное обеспечение учителей.

Каймаразов Гани Шихвалиевич, д.и.н., профессор
Каймаразова Лейла Ганиевна, к.и.н.
 Институт истории, археологии и этнографии
 Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала
 kaymarazova@mail.ru

ДАГЕСТАНСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ. 1917-1921 ГГ.: ПЕРВЫЕ ШАГИ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Проблема взаимоотношений власти и интеллигенции была актуальна практически всегда. Власть выступает инициатором любых преобразований в обществе и существенно влияет на его духовную сферу. Интеллигенция, с одной стороны, главный проводник культуры, образования, а с другой – действенный критик власти. И хотя взаимодействие политической власти и интеллигенции, в том числе педагогической, вызывает

особый интерес, эту проблему отечественной историографии, особенно в национальных районах страны, можно отнести к малоизученным.

Вопросы создания новой школы в первые годы советской власти, подготовки и использования педагогических кадров занимали важное место в работах дагестанских ученых, написанных с позиций традиционной истории (А. Абилов [1], Ш. Хасбулатов [12], Г. Каймаразов [3-5], А.-К. Эфендиев [17], С. Омаров [10], М. Мирзабеков [8], Л. Каймаразова [6]). Но проблема взаимоотношений власти и такой значительной группы дагестанской интеллигенции, как учительство, специально не изучалась. Жизненные ориентиры, потребности, взгляды и реакция учителей на происходящие события в переломный момент истории России Новейшего времени – вот то, что сегодня вызывает самый неподдельный интерес как у исследователей, так и у широкого круга читателей.

Изучить эти аспекты научной проблемы помогут вовлекаемые в научный оборот и не публиковавшиеся ранее, а также хорошо известные, но рассмотренные под иным углом зрения документы, которые хранятся в фондах Центрального государственного архива Республики Дагестан.

В первые месяцы после установления советской власти в стране началась работа по формированию органов управления образованием, которые должны были отвечать требованиям и интересам новой власти. Но поскольку для этого требовалось время, встал вопрос о введении контроля за деятельностью тех просветительских организаций, которые функционировали еще до Октября 1917 г. 20 декабря 1917 г. Государственная комиссия по просвещению приняла постановление, в котором предлагала местным Советам организовать специальные культурно-просветительские секции. Согласно Положению «Об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике», принятому СНК РСФСР 18 июня 1918 г., управление образованием переходило к отделам народного образования при Советах депутатов на местах, которые ведали вопросами развития школ, профессионального образования, в том числе проблемами подготовки учителей. Такой отдел в июне 1918 г. был образован и в Дагестане в соответствии с решением исполнительного комитета Темирханшуринского Совета рабочих, земледельческих и красноармейских депутатов [9, с. 23].

Уже в первый год существования советской власти была создана правовая база развития образования у народов национальных районов России. Однако для фактического проведения в жизнь провозглашенной Советским государством новой политики нужно было решить немало проблем. Школа не могла развиваться без соответствующей материальной и учебной базы, финансирования ее неотложных нужд. А создание таких условий было не под силу разоренной в ходе продолжительной Гражданской войны, голодающей стране.

Гражданская война и иностранная интервенция прервали строительство новой советской школы. В это время в Дагестане фактически перестали работать школы, школьные здания, оборудование и инвентарь были приведены в негодность, учителя не получали заработную плату. Так, в обращении заведующего Каякентским сельским училищем З. Абдуразакова к инспектору народных училищ Дагестанской области говорилось: «В прошлом 1919 г. с первого июля по 1-е апреля 1920 г. мною не получено жалование... Докладываю, что занятия в школе велись в прошлом году: сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы, а затем, по случаю наступления Добровольческой армии на селения Кая-Кента и вследствие кризиса учебного пособия, школьные занятия прекратились. По сему покорнейше прошу об удовлетворении меня жалованием за девять месяцев. Если занятия начнутся, то необходим ремонт здания школы» [13, д. 1а, л. 38].

За годы существования Горской Республики (1918-1920), ставившей перед собой задачу отделения от Советской России, и за период, когда значительная часть территории Дагестана была занята Добровольческой армией А. И. Деникина, был ликвидирован Союз учителей, повышена плата за обучение, преподавание переведено исключительно на русский язык, восстановлена должность попечителя Кавказского учебного округа. В его циркуляре к учебным заведениям говорилось: «Вступив в исполнение обязанностей попечителя Кавказского учебного округа, считаю своим долгом поставить в известность гг. директоров и преподавателей округа, что имею от Министерства народного просвещения определенную директиву руководствоваться при управлении округом только законоположениями, выработанными до большевистского переворота... Из сего явствует, что все изменения строя школьной жизни, введенные после падения Временного правительства, будут мною рассматриваться, как деяния незаконные» [12, с. 8].

Сохранились документы периода «деникинского правления» «на территории Вооруженных Сил Юга России», в которых утверждались чины и размеры содержания учителей в зависимости от их категории и предмета преподавания [14, д. 1, л. 91, 96]. Однако в условиях непрекращающихся военных действий предусмотренные в них меры практически не реализовывались.

Советская власть в Дагестане была восстановлена в марте 1920 г., и вскоре были созданы органы революционной власти – революционные комитеты с отделами, ведавшими, в том числе, и вопросами культуры и просвещения. Процесс строительства новой школы в республике вернулся в русло советского развития.

К числу важнейших проблем, без решения которых не могло быть и речи об ускоренном осуществлении советской школьной и в целом культурной политики, относилась проблема подготовки многочисленных учительских кадров. Они должны были поддерживать новую власть, активно работать над тем, чтобы школа соответствовала своему новому предназначению, и пропагандировать социалистические идеи среди широких слоев населения. Советская власть рассматривала учительство, в особенности сельское, в качестве связующего звена крестьян с рабочим классом. Не случайно в то время В. И. Ленин писал: «Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех, без исключения, капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы

отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом» [7, с. 366]. Именно в 1918-1919 гг. были заложены основные принципы подготовки учителей: классовый отбор, революционная идеологизация их образования и воспитания.

В Программе РКП(б), принятой VIII съездом партии (1919 г.), одной из важнейших ближайших задач на пути школьного и просветительного дела в стране была названа подготовка новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма. Понятно, что для подготовки таких работников требовалось время. Поэтому поначалу остро стояла задача привлечения на сторону революционной власти и использования в работе по созданию новой школы учителей дореволюционной формации. Без этого трудно было решать основные задачи в области образования: ускоренное развитие общеобразовательной школьной сети; охват обучением всех детей школьного возраста.

Поначалу новая власть по отношению к учительству была настроена благосклонно и призывала к сотрудничеству. В дальнейшем процесс привлечения учителей старой школы на сторону советской власти сопровождался применением не только методов убеждения, но и административно-принудительных, а порой и репрессивных мер по отношению к тем, кто сопротивлялся проведению определенного новой властью курса народного образования.

Как показало время, большая часть учительства дореволюционного формирования стала работать в новых школах. Привлекательными для основной массы учительства должны были стать шаги Советского государства по улучшению материального и общественного положения педагогов. Это было частью борьбы советской власти за учительство. Так, уже в январе 1918 г. правительство приняло решение об увеличении заработной платы учителям. Но в условиях Гражданской войны и обесценивания денег предпринятая мера не дала ожидаемого результата. Другой действенной мерой должно было стать предоставление учителям льгот по обеспечению жильем, продуктами, топливом и т.д. Эту проблему, которая стала выдвигаться на первый план, даже по сравнению с увеличением заработной платы, должна была решать местная власть, которая также не располагала необходимыми для этого средствами.

В Дагестане, после установления советской власти весной 1918 г. на значительной части его территории, Областной военно-революционный комитет, а позднее – Областной исполнительный комитет Советов работали над решением проблем повышения заработной платы учителям, организации учительских курсов, создания комиссии по составлению и изданию учебников для дагестанской национальной школы и т.д. [16, д. 11. л. 1-3]. Вопросы строительства новой школы стали обсуждаться на представительных совещаниях работников учебных заведений.

Свое отношение к школьной политике Советского правительства выразил первый Дагестанский съезд учителей, состоявшийся в августе 1918 г. в столице Дагестанской области Темир-Хан-Шуре. Учительский форум был созван отделом просвещения Темир-Хан-Шурина Совета с целью ознакомления его с новыми преобразовательными начинаниями Комиссариата просвещения Совета Народных Комиссаров и «подготовки учителей в политическом отношении, как будущих проводников на местах идей советской власти» [15, д. 5, л. 5]. Надо отметить, что этот форум позволил ярко проявиться политической позиции самых разных слоев дагестанского общества.

В работе съезда принимали участие 102 делегата, и было приглашено более 20 гостей. В числе приглашенных значились фамилии Д. Коркмасова и С. Габиева, которые, ввиду сложной политической обстановки, не смогли участвовать в его работе. Делегаты представляли городские (Порт-Петровск, Темир-Хан-Шура, Дербент) и многие сельские (Ишкарта, Дешлагар, Маджаллис, Леваша, Кази-Кумух, Кафыр-Кумух, Хунзах, Гоцатль, Чир-Юрт, Н. Казанище, Царидаровск, Гелли, Параул, Дженгутай, Дургели, Халимбек, Буглен) школы Дагестана. Большинство присутствовавших на съезде учителей составляли русскоязычные педагоги (А. Скрабе, М. Тимошенко, Н. Тарасевич, Д. Поцхверов, Л. Тимушев, П. Егоров, Л. Астафьева и др.). Были в числе делегатов и учителя-дагестанцы из светских школ, гимназий, училищ, в том числе учительницы-дагестанки (Х. Гаджиев, М. Темирханов, Д. Рафибеков, А. Насиров, И. Абдуллаев, Р. Абдуллаева и др.), а также учителя традиционных мусульманских школ и училищ (А. Табасаранский, М. Темирханов, Б. Алибеков, Гаджи Кади Шуан Гаджи, Мустафа Кади Османов, Дауд Кади Парау, У. Адильханов, Б. Идрисов, Юсуп Кади Гасанов и др.).

Дагестанское учительство по своему социальному положению и политическим воззрениям было неоднородным. Это и обусловило различное восприятие событий 1917 года: часть учителей поддержала новую власть, часть отнеслась к ней враждебно, часть (и, пожалуй, самая многочисленная) заняла выжидательную позицию. Этим можно объяснить прозвучавшие на съезде из уст некоторых делегатов заявления о том, что вовсе необязательно признавать советскую власть, хотя и отказываться работать в новой советской школе не следует [Там же, л. 18].

Судя по стенограмме, был момент, когда съезд отклонился от основной, определенной властями задачи и от обсуждения вопросов школьной политики и чисто профессиональных моментов перешел к проблемам материального обеспечения. Понятно, что вопросы профессионального роста, условий труда и быта были для учителей очень злободневными. Собравшиеся, взывая к власти, говорили, что качественно выполнять свою основную профессиональную задачу они смогут при условии создания государством достаточного количества «высших педагогических учебных заведений, институтов и семинарий, удовлетворяющих потребностям новой школы и учительства», при ассигновании средств «на педагогические курсы, съезды, командировки и премии за педагогические труды» [Там же, л. 19]. «Материальные нужды учительства должны быть обеспечены в такой степени, чтобы дать возможность учащим (учителям. – Г. К., Л. К.) всецело посвятить себя ответственной

педагогической работе». «Дело в том, что достаточное обеспечение школьного учителя с материальной стороны является одним из существенных и необходимых условий хорошей постановки школьного дела... Таким образом, вопрос материального обеспечения учащихся стоит в тесной связи с вопросом внутренней реорганизации новой демократической школы. Ясно, что голодный учитель, принужденный перебиваться кое-как и всю свою энергию направляющий на заботы о насущном куске, не создаст хорошей школы. И если прежнее правительство не стремилось обеспечить учителей, как следует, в особенности в начальной школе, то теперь правительство должно поставить на одно из первых мест заботу о школе и учителе... В отношении удовлетворения своих нужд, школа и учительство стоят едва ли не на самом последнем месте, что отчасти объясняется еще недостаточной организованностью учащихся и неумением их отстаивать свои интересы» [Там же, л. 24-28].

В ходе заседаний оговаривался размер оплаты учительского труда в зависимости от типа школ и уровня образования педагогов, обсуждались выплаты «квартирных», состояние обеспечения учителей и их семей дровами, продуктами и др.

Чувствуя, что детальное обсуждение вопросов материального обеспечения учителей затягивает работу съезда, президиум предлагал перейти к более важным, определенным новой властью проблемам, подчеркивая, что «учительство, имея полное право на материальное обеспечение, не должно забывать, что главная задача съезда – разработка вопросов о новой школе» [Там же, л. 24].

На съезде были заслушаны доклады: «Ручной труд как предмет общеобразовательной программы», «Дошкольное воспитание», «Пение и игры с пением в начальной школе», «О преподавании иностранных языков в средней школе», «О внешкольном образовании», «О профессиональных интересах учительства», «Система Альфреда Бине и возможность исследования глубоких степеней отсталости» и др.

Рассмотрев вопросы организации школьной жизни и детских дошкольных учреждений, участники съезда в основном одобрили декреты и постановления советского правительства об образовании и воспитании детей, выразили готовность трудиться в новой школе.

В принятой на съезде резолюции говорилось, что школа «должна быть единой, преемственной, трудовой, общедоступной, обязательной для всех и бесплатной на всех ступенях обучения» [3, с. 21]. Это положение получило развитие в другой резолюции: учительство Дагестана должно не только «принять активное участие в борьбе за проведение в жизнь всеобщей, обязательной, бесплатной, трудовой народной школы», но и быть готовым к тому, чтобы «отдать все свои силы на дело строительства этой школы на истинно педагогических основаниях» [2].

При рассмотрении вопроса «об упразднении Закона Божьего как предмета школьного преподавания» соответствующая комиссия предложила следующую резолюцию: «Обучение религии допустить в школьных зданиях во внеурочное время, упразднить Закон Божий, согласно декрету, как предмет школьного преподавания, расходы на содержание вероучителей отнести на средства религиозных общин» [15, д. 5, л. 26]. Развернулись оживленные прения, итогом которых подвел председательствующий Д. Рафибеков, сообщив, что в данном вопросе власть готова пойти на компромисс.

Мусульманская секция съезда (в стенограмме она называлась то дагестанской секцией, то секцией туземной школы. – Г. К., Л. К.), приняв положения о единой трудовой школе и признав необходимым в начальной школе «ввести преподавание всех предметов на родном языке учащихся», выразила пожелание о признании обязательности преподавания (для дагестанских детей) мусульманского вероучения на всех ступенях обучения и недопустимости совместного обучения детей мусульман обоего пола ни в одном из типов школ [3, с. 21]. Съезд принял к сведению сообщение председателя мусульманской секции, выказав тем самым понимание учительством умонастроений большинства местного населения.

Улучшению правового положения учительства призван был способствовать принятый съездом Устав Областного Учительского Союза.

События, которые происходили на первом областном учительском съезде, показали, насколько сложной была обстановка в Дагестане в условиях Гражданской войны и начавшейся иностранной интервенции. Как видно из стенограммы съезда, участники форума не продемонстрировали того отношения, которого от них ждали представители власти, призывая делегатов съезда в полном составе принять участие в проходившем в Темир-Хан-Шуре вечером 28 августа митинге. Митинг был посвящен астраханским событиям – контрреволюционному мятежу в Астрахани и осложнению обстановки в самом Дагестане. Участники съезда так и не услышали внятного объяснения причины проведения мероприятия. А ставшая столь популярной в период революционных событий формулировка «по текущему моменту» не была понята большинством собравшихся. Последовавшая за этим непродолжительная дискуссия отразила расслоение в учительской среде и, в целом, пассивность политической позиции учителей. «Некоторые члены съезда говорят, что необходимо скорее закончить работы съезда и, если митинг обыкновенный, послать делегацию. Другие находят необходимым идти немедленно, так как неизвестно, по какому вопросу митинг; может быть, на митинге будут обсуждать важные вопросы; третьи говорят: пусть скажут, нужны ли учащие на митинге, если нужны, то надо идти...» [15, д. 5, л. 40].

Выступивший после перерыва член Областного исполкома П. Ковалев пытался пробудить в участниках съезда революционную сознательность, объяснял учителям, что они должны активно работать с пролетариатом: «Учреждения советской власти состоят почти исключительно из трудящихся, мало подготовленных людей, которые не в состоянии справиться со своими задачами. Справится ли пролетариат со своей задачей или погибнет – это другой вопрос, но процесс этот был бы облегчен, если бы интеллигенция не саботировала... Когда рабочие не понимают идей советской власти – это понятно. Но интеллигенции и учительству

не понимать это – непростительно». Он попрекнул собравшихся на съезд учителей, что они чрезмерно увлеклись обсуждением своих материальных проблем. «Я узнал про резолюции съезда и увидел ту же борьбу за привилегии. Вопрос со ставками занял у вас два дня. Он уже решен советской властью, а вы обсуждаете то, что уже решено. Это несерьезность вашего отношения к работам съезда... Я желаю, чтобы вы обсуждали другие вопросы, более важные, чтобы не остаться вам за бортом школ...» [Там же, л. 38].

Озабоченность представителей советской власти была понятна. Учительский съезд проходил в условиях, когда к Темир-Хан-Шуре приближался отряд Л. Бичерахова, положение на фронте становилось все более напряженным. В этих условиях власти нужна была более активная политическая позиция учительства, а неявка значительной части участников съезда на политический митинг вызвала резкое недовольство со стороны властей города. Поэтому вскоре в зал заседания в сопровождении вооруженных красноармейцев прибыл командующий Чирюртовского фронта С. Казбеков, председатель городского совета депутатов Г. Саидов, председатель комиссии по борьбе с контрреволюцией Гончаров, заместитель председателя Областного исполкома П. Ковалев и чуть было не прекратили работу учительского форума. Возобновление работы съезда стало возможным только в присутствии представителей властей.

На последнем заседании, 29 августа 1918 г., подводя итоги работы форума, его участники подчеркнули важность значения съезда «в смысле объединения учащих всех категорий» [Там же, л. 42].

После разгрома вооруженных сил Деникина и установления советской власти на всей территории области весной 1920 г. ревкомы и созданные при них отделы народного образования начали открывать школы в городах и селах Дагестана. Как мы уже отмечали, остро стоял вопрос об обеспечении школ учителями. Недостаток в подготовленных педагогических кадрах объяснялся несколькими причинами. Во-первых, во время Гражданской войны часть преподавателей была мобилизована в ряды Красной армии. Во-вторых, многие из них были задействованы в работе советских властных структур. В-третьих, они не были готовы работать в условиях создававшейся новой советской школы. И, наконец, остроту проблеме добавлял «бурный» рост школьной сети.

Для решения проблемы острой нехватки учителей в школе руководство страны предпринимало шаги по ускоренной подготовке педагогов. Была создана сеть краткосрочных (3-6-ти месячных) курсов. В Дагестане краткосрочные педагогические курсы открылись в Дербенте и Темир-Хан-Шуре. Дербентские педагогические курсы в сентябре 1920 г. выпустили 93 учителя для округов Южного Дагестана [3, с. 23-24]. Но и это не могло удовлетворить потребности школы в учителях. Тем более что в начале 1920-х гг. значительная часть старого учительства стала покидать школу из-за материальных трудностей и в силу того, что не могла приспособиться к новой образовательной политике, проводимой советской властью.

К началу 1920-х гг. усилилось административное давление на школьных работников. Был распущен ВУС – Всероссийский учительский союз (декабрь 1918 г.), проведены выборы народных учителей, в результате которых из школы было уволено немало педагогов, которые не устраивали власть и не отвечали требованиям советской образовательной политики. Вместо Союза учителей-интернационалистов (основан в декабре 1917 г.) создан профсоюз работников просвещения и социалистической культуры (январь 1919 г.). Работа по привлечению учителей на сторону правящей партии сопровождалась мероприятиями по подготовке новых учителей, стремлением заинтересовать их вопросами новой педагогики и т.д.

С целью обсуждения актуальных вопросов школьного строительства и разъяснения учительству задач новой трудовой школы в 1920 г. были проведены совещания и съезды учителей и работников народного образования Дагестана.

2-6 июня 1920 г. состоялся съезд заведующих Темир-Хан-Шурина, Порт-Петровского и Дербентского отделов и подотделов народного образования, на котором наряду с другими обсуждался и вопрос о подготовке педагогических кадров [14, д. 41, л. 2].

В сентябре 1920 г. на совещании работников образования Дагестанской области рассматривался широкий круг вопросов школьного строительства. Совещание обсудило и доклад с уже ставшей вполне привычной формулировкой «О текущем моменте», с которым выступил работник областного отдела просвещения Векшин. Говоря о роли интеллигенции, в частности, учительства, в текущих событиях, докладчик подчеркнул разницу их позиции в начале революции и теперь, выразив надежду, «что русская интеллигенция (в широком толковании) пойдет навстречу советской власти, признав, что в области всех начинаний необходим революционный, а не эволюционный метод». Векшин провел мысль безусловной зависимости науки и искусства от государственного строя и экономических отношений. «Учителю не предъявляется требование записаться в партию, но он, безусловно, не может стоять вне политики». Далее Векшин выразил уверенность в том, что «учительство оправдывает возложенные на него надежды: воспитает человека без предрассудков, научит любить и уважать человека, разовьет гармоничную личность – ведь это все идеи коммунизма» [Там же, л. 1, 2].

Включение доклада в повестку дня совещания было вызвано и обострением обстановки в Дагестане – в горах вспыхнуло антисоветское восстание под руководством Н. Гоцинского. Власти вновь потребовалась четкая политическая позиция участников очередного педагогического форума, которая должна была не только отразить поддержку мероприятиям органов советской власти по подавлению мятежа на самом совещании, но и донести эту позицию до населения на местах после его завершения. От учителей ждали и заявления о готовности активно трудиться над созданием и укреплением новой школы. В резолюции совещания, в частности, говорилось: «В то время, когда пролетариат напрягает свои силы на фронте, отдавая ему лучших сынов своих, учительство Дагестана, разделяя всю тяжесть борьбы красных бойцов, охотно идет на фронт борьбы с безграмотностью, прилагает все свои усилия в деле строительства новой трудовой школы, сочувствуя всем мероприятиям в этом деле советской власти...» [Там же, л. 1-38].

В унисон выступлению Векшина прозвучал доклад заведующего областным отделом просвещения П. Ковалева. Рассуждая о судьбе учительства, его позиции в период революционных событий, П. Ковалев сказал: «Тяжело и медленно шло оно к пониманию исторического момента. В конце концов, из массы учительства выделилась определенная часть и начала искать новые пути к осуществлению культурных задач. Эта группа подтвердила, что возврата к прошлому нет и нам нужно идти вперед. Но куда и как? Этот вопрос в рядах учительства возникает каждый день. Его не возникает среди пролетариата, который знает, куда он идет и зачем. Учительство и интеллигенция спрашивают. В этом весь трагизм положения. Происходит же это оттого, что интел[лигенция] и учительство не связаны корнями с массой, являясь со своей буржуазной психологией жертвой старого строя и старой школы мышления. Отсюда одной из основных задач учит[ельства] и интел[лигенции], сознавшей, что сила и правда в пролетарских массах – слиться с ними психологически и умственно в одном течении» [Там же, л. 20].

Как видно из стенограммы совещания, вопросов к докладчику и развернувшейся дискуссии, наболевшими для учителей стали проблемы нехватки школьных помещений, часть которых была занята под лазареты, их ремонт, отопление, обеспеченность учебниками и учебными пособиями. Озабоченность вызывало и то, что учителя постоянно откомандировывают в различные учреждения. Видно, как представители властных структур, выступавшие на съезде, старались вовлечь учителей в обсуждение политических вопросов. Но сами учителя больше всего хотели получить ответы на вопросы, которые были непосредственно связаны с их профессиональной деятельностью, с работой школы и организацией учебного процесса.

В ноябре 1920 г. состоялось областное совещание сельских учителей Дагестана, которое в ряду общих проблем школьного строительства, рассмотрело роль и место учителя в школьной и общественной жизни [Там же, д. 56, л. 40]. Вслед за областными форумами совещания работников народного образования прошли в округах Дагестана.

И еще об одной из особенностей осуществления советской образовательной политики в Дагестане. Если в целом по стране после Октября 1917 г. многие из учителей оказались невостребованными, и в первую очередь это коснулось учителей конфессиональных учебных заведений, священнослужителей, занимающихся преподавательской деятельностью, то в Дагестане сложилась несколько иная ситуация. Дагестанская советская школа унаследовала от дореволюционного времени немало учителей, окончивших традиционные мусульманские религиозные учебные заведения и тяготевших к сохранению устоявшихся методов и содержания школьного образования и воспитания. Эти учителя настаивали на изучении в светских школах Корана, мусульманского вероучения. В условиях, когда влияние мусульманского духовенства на общественную жизнь, население было еще сильным, а часть учителей новых школ составляли выходцы из духовенства, строить отношения с этими учителями оказалось непросто. Как мы уже видели, поначалу власть старалась не обострять отношения с духовенством и не торопилась провести в жизнь положение декрета об отделении школы от церкви. А. Тахо-Годи, многие годы руководивший Наркомпросом Дагестана, отмечал, что советская школа в течение ряда лет изживала здесь из своих недр Коран и изжила его примерно в 1924 г., сохранив, однако, в своих стенах учителей-арабистов [11, с. 55].

В подтверждение приведем выдержку из докладной записки исполняющего обязанности заведующего Аргунским начальным училищем А. Шамхалова о состоянии школ Андийского округа в школьный подотдел народного образования. «Согласно Вашему приказу от 27-го апреля сего года (1921 г. – Г. К., Л. К.) я объехал школы Андийского округа, и в результате выяснилось следующее...

Для Ботлихского училища рекомендую Вам в качестве преподавателя Измаила Ансалтинского как знающего турецкий и арабский языки. Преподавал в нем и при турках... Н. Инхойское училище... Преподается исключительно арабский язык. Учителем – старик Шейх-Саид-Хаджи. Служит около 5 месяцев. Надо знать, что инхойцы известны даже среди горцев тем, что они чуждаются всяких новшеств, в каких бы формах они не проявлялись. Метод преподавания, разумеется, старый, сухой. Схоластическая наука в полном ходу. Рекомендую учителем для Инхойского училища Абубакар-Хаджи Эфенди, как хорошо знающего языки: арабский и тюркский. Он уроженец села Гагатли.

Что касается языка, на котором преподают до сих пор у нас, то таким языком является арабский; потом идет тюркский, а к русскому языку питают антагонизм, развившийся еще к старой русской школе. Необходимо также иметь в виду, что школы будут функционировать нормально и успешно в том случае, если учащихся и учащихся будут снабжать самым необходимым, как-то: учебными пособиями, мануфактурой, продовольствием. Тогда и само население пойдет навстречу нам. Иначе они смотрят с полной апатией, а то иногда и враждебно к школьному вопросу» [14, д. 76, л. 143, 143 об.].

Важным моментом в осуществлении советской государственной политики в области школьного строительства в Дагестане, подготовки учительских кадров явились провозглашение советской автономии (ноябрь 1920 г.) и образование Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики (январь 1921 г.). С образованием ДАССР в составе ее первого советского правительства был учрежден Наркомат просвещения, на который возлагались все вопросы, связанные с использованием в советских школах учителей дореволюционной формации и подготовкой многочисленных педагогических кадров.

Государственное и партийное руководство Дагестанской АССР в лице Д. Коркмасова, С. Габиева, Н. Самурского, М. Далгат, А. Тахо-Годи, М. Хизроева, К. Мамедбекова, Ибр. Алиева, Л. Ефременко и других деятелей, получивших, за редким исключением, высшее образование еще до революции, хорошо понимало, что без подготовки большого количества учителей, соответствующих новым требованиям, не может идти речь

об ускоренном школьном строительстве, возрождении и развитии культуры, в конечном счете прогрессе других сфер жизни в многонациональной республике.

Таким образом, в рассматриваемые годы на передний план все более явно выдвигались вопросы создания новой советской школы. В период Гражданской войны и в начале 1920-х гг. положение дагестанского учительства ухудшилось вследствие военных действий на территории Дагестана и снижения уровня жизни. Советские органы власти, несмотря на свои ограниченные возможности, пытались улучшить материальное положение учителей, а также снять остроту проблемы нехватки школьных педагогов путем привлечения и социалистического перевоспитания дореволюционного учительства и открытия краткосрочных курсов по подготовке новых, преданных советской власти учителей.

В сложном процессе поиска оптимальных вариантов и путей культурных преобразований, реформы школьной системы, осуществлении политики в сфере формирования педагогических кадров, использовании опыта и знаний старого учительства, в том числе учителей мусульманских школ, не все складывалось гладко. Это не только отражалось на темпах и результатах культурного строительства, но и оказывало определенное влияние на всю общественную жизнь многонациональной республики. Рассмотренные нами годы – это период, когда отношение со стороны советской власти к интеллигенции, в том числе к педагогической, сменилось от осторожного к благосклонному. Она стала признаваться властью в качестве реальной политической силы, с ней искали общий язык для совместной деятельности в области государственного, хозяйственного и культурного строительства. Постепенно менялась позиция дореволюционного учительства – от пассивности они приходили к осознанию того, что советская власть стала реальностью, и «это надолго». Власть же взяла курс на подготовку новых, советских учителей с идеологией и образованием, которые соответствовали задачам коммунистического воспитания.

Список источников

1. **Абилов А. А.** Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 267 с.
2. **Известия Темир-Хан-Шуринского Совета рабочих, земельных и красноармейских депутатов.** 1918. 29 августа.
3. **Каймаразов Г. Ш.** Культурное строительство в Дагестане (1920-1940 гг.). Махачкала: ДагФАН СССР, 1960. 182 с.
4. **Каймаразов Г. Ш.** Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2007. 464 с.
5. **Каймаразов Г. Ш.** Очерки истории культуры народов Дагестана. От времени присоединения к России до наших дней. Махачкала: Наука, 1971. 475 с.
6. **Каймаразова Л. Г.** Среднее педагогическое образование в Дагестане в 20-30-е гг. XX в. // Педагогическое образование в России. 2011. № 3. С. 31-36.
7. **Ленин В. И.** Странички из дневника // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Изд-е 5-е. М.: Изд-во полит. литературы, 1970. Т. 45. Март 1922 – март 1923. С. 365-368.
8. **Мирзабеков М. Я.** Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала: Барии, 1998. 308 с.
9. **Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.:** документы и материалы: в 2-х т. / сост. Л. Г. Каймаразова, М. М. Амирханова. Махачкала: Лаборатория НТИОИИ Института ИАЭ ДНЦ РАН, 2003. Т. 1. 408 с.
10. **Омаров С. М.** Женское образование в Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1960. 36 с.
11. **Тахо-Годи А.** В борьбе за советскую школу в Дагестане // Просвещение национальностей. 1931. № 1. С. 53-59.
12. **Хасбулатов Ш. Д.** Народное образование в Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1958. 77 с.
13. **Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД).** Ф. 4-р. Оп. 2.
14. **ЦГА РД.** Ф. 34-р. Оп. 1.
15. **ЦГА РД.** Ф. 81. Оп. 1.
16. **ЦГА РД.** Ф. 135 с-р. Оп. 1.
17. **Эфендиев А.-К. И.** Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920-1940 гг.). Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1960. 155 с.

DAGESTAN TEACHING AND THE SOVIET POWER. 1917-1921: THE FIRST STEPS TO INTERACTION

Kaimarazov Gani Shikhvalievich, Doctor in History, Professor
Kaimarazova Leila Ganievna, Ph. D. in History
*Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala
kaymarazova@mail.ru*

The article highlights the little-studied problem of the relationship between power and teaching in the most multi-ethnic North Caucasian Republic during the revolutionary events of 1917 and the Civil War. Through the involvement of new documentary sources it is shown how under the conditions of radical changes in the life of the Dagestan society the authorities determined the role and place of teachers in the new Soviet school system and in spreading new socialist ideology among the population. The attitude to power of various layers of the Dagestan teachers is represented in the paper.

Key words and phrases: Dagestan; October 1917; Civil War; power; teaching; secondary school; new Soviet school system; formation of teaching staff; financial support for teachers.